

Рецензенты:

**доктор филологических наук,
заведующий отделом народно-поэтического творчества
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
заслуженный деятель науки РФ А. А. Горелов;
доктор исторических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ Ю. Г. Алексеев.**

Р89 Русская история и культура: Статьи. Воспоминания.
Эссе/Под ред. Ю. К. Руденко. - СПб.: Наука, 2007. -
392 с.
ISBN 978-5-02-025224-0

ББК 85+87.8

ISBN 978-5-02-025224-0

© авторы статей, 2007

А. Л. Казин

РУССКАЯ КУЛЬТУРА И РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ

1. «Слишком человеческое»

В настоящей статье я хочу обсудить вопрос о соотношении веры и разума в истории русской культуры. При этом полезно было бы сопоставить подход к этой важнейшей проблеме в России и в Европе: именно сравнительный анализ дает нередко наиболее значимые и вместе с тем наиболее объективные результаты. По существу, речь пойдет о вере, разуме и творчестве как категориях истории культуры.

Помнится, однажды у меня состоялся разговор на эти темы с молодым поэтом. Поэт сказал примерно следующее: «Для чего нужна философия? Она ничего не дает человеку. Это просто потерянное время». В самом деле, поэту — то есть, по определению, человеку *культуры* — философия (и тем более культурология) может оказаться совершенно не нужной. И хотя говорят, что каждый человек (особенно русский) в своем роде философ, это не более верно, чем утверждение, что любой человек, так или иначе, врач, или предсказатель погоды, или еще что-нибудь в этом роде. Вопрос, собственно, заключается в том, каков источник истины для человека — той истины, которая составляет существо его жизни? Если к этому источнику ведет профессиональная философия или культурология, то тогда всему человечеству, по меньшей мере, нужно окончить философский (культурологический) факультет университета. Если же к этому роднику воды живой ведет какая-то другая дорога — например, религиозная вера, то какова при этом роль философии (культурологии)? Неверующих людей ведь, как известно, не существует: одни верят, что Бог есть, другие — что Его нет.

Чтобы попытаться так или иначе разрешить поставленные проблемы, сформулируем исходные позиции:

В. И. Коньков

РУССКАЯ РЕЧЬ КАК ЖИЗНЕННАЯ ЦЕННОСТЬ

Океан русской речи, в который мы все ежедневно погружены, не воспринимается нами как однородная, неподвижная, инертная среда. Наше сознание замечает неисчислимое множество явлений и процессов, происходящих в его глубинах. В этом океане русской речи есть много очевидного, наглядного, ясного для нас в своей сущности, но в то же время в нем таится много неизвестного нам, непонятного, а порой даже, как иногда кажется, и непостижимого в своей сущности.

Если мы осознанно относимся к окружающей нас речи, то неизбежно начинаем оценивать все замечаемые нами явления и процессы. Дело в том, что все наши ближайшие и отдаленные речевые окрестности существенно влияют на качество нашей жизни, делая наше повседневное речевое существование либо комфортным и плодотворным, либо разрушительным и бесплодным. Что же мы ценим в окружающей нас речевой атмосфере, что воспринимаем как жизненную ценность, которой дорожим?

Обратим внимание на некоторые в общем-то всем хорошо известные явления, повернув их нужной гранью и систематизировав.

Начнем с речевых явлений, которые в своей положительной оценочное™ имеют самый высокий социальный статус.

Широко известен тот факт, что одним из основных признаков полноценного национального самосознания является осознание человеком своей принадлежности к родной национальной речевой среде. Постоянный контакт с этой речевой средой является важнейшей жизненной ценностью, которая лежит в основе не только словесного творчества. Погруженность в родную речевую среду является жизненной опорой, источником вдохновения, той почвой, на которой произрастают многие явления национальной культуры. Утрата связи

с родной речевой средой переживается как трагедия, ведущая к гибели выросшего в этой речевой среде творческого начала.

Свидетельства о том, что дело обстоит именно так, остались в произведениях многих поэтов и писателей, по разным причинам покинувших Россию. В качестве примера можно привести известное всем стихотворение в прозе И. С. Тургенева «Русский язык», написанное в 1882 г. Его появление обусловлено именно теми обстоятельствами жизни писателя, которые привели к длительному отрыву от родной речевой среды. И хотя в названии стихотворения мы видим слово «язык» (стихотворение не называется «Русская речь»), нет сомнения в том, что автор в данном случае имел в виду именно русскую речь, поскольку именно она, речь, а не абстрактная языковая система, дана человеку в непосредственном общении.

Та же мысль содержится и в известном стихотворении В. В. Набокова «К России», написанном в 1939 г. в Париже. Приведем его небольшой фрагмент:

**Навсегда я готов затаиться
и без имени жить. Я готов,
чтоб с тобой и во снах не сходитьсь,
отказаться от всяческих снов;
обескровить себя, искалечить,
не касаться любимейших книг,
променять на любое наречье
все, что есть у меня, — мой язык.**

Трагичность в ощущении сложившейся ситуации здесь очевидна. Родная речевая среда — это «все, что есть у меня». Порвать с ней связь — значит «обескровить себя, искалечить» и «без имени жить». Потеря имени в данном случае — знак полной утраты индивидуального самосознания и творческого начала.

Не следует думать, что ощущение речи как одной из основных жизненных ценностей свойственно только писателям, поэтам, журналистам, чтецам и другим профессионалам речи, для которых понимание ценности речи входит в их профессиональную состоятельность. Русская литература, зафиксировавшая многие интересные факты нашей речевой жизни, свидетельствует о том, что любой человек, ощущающий себя русским, понимает и первостепенную жизненную ценность русской речи. Приведем небольшой фрагмент из «Жизни Арсеньева» И. А. Бунина. Персонаж, о котором идет речь,

Ростовцев, по своему социальному положению купец. Речевое чутье не является для него частью его профессиональной деятельности. Тем более показательно то, как ценит он русскую речь. Мальчик-гимназист из дворянской образованной семьи именно от него, купца, получает урок на всю жизнь, показывающий, как можно и нужно относиться к родной русской речи:

«Он, случалось, заходил к нам, своим нахлебникам, и порой вдруг спрашивал, чуть усмехаясь: "А стихи вам нынче задавали?" Мы говорили: "Задавали". - "Какие же?" Мы бормотали: "Небо в час дозора — обходя луна — светит сквозь узоры — мерзлого окна..." "Ну, это что-й-то не складно, — говорил он. — "Небо в час дозора обходя луна" — я этого что-й-то не понимаю". Не понимали и мы, ибо почему-то никогда не обращали вниманья на запятую после слова "обходя". Выходило действительно нескладно. И мы не знали, что сказать. <...> Потом я читал Никитина: "Под большим шатром голубых небес, вижу, даль степей расстилается..." Это было широкое и восторженное описание великого простора, великих и разнообразных богатств, сил и дел России. И когда я доходил до гордого и радостного конца, до разрешения этого описания: "Этоты, моя Русь державная, моя родина православная!" — Ростовцев сжимал челюсти и бледнел. "Да, вот это стихи! — говорил он, открывая глаза, стараясь быть спокойным, поднимаясь и уходя. — Вот это надо покрепче учить!"¹

Мы видим, что фраза не просто воспринимается содержательно — она переживается (*Ростовцев сжимал челюсти и бледнел*). Купец потрясен звучанием фразы, и ее звуковое воплощение неотделимо от содержания. Именно интонация делает фразу жизненной ценностью, связанной с личным существованием.

У Бунина Ростовцев подан читателю как явление характерное для русской нации, но не массовое. Однако в русском народе восприятие русской речи как жизненной ценности все-таки имеет именно массовый характер, правда проявляется эта массовость несколько в ином аспекте.

Обратим в связи с этим внимание на еще один общеизвестный факт. Как известно, «Толковый словарь живого великорусского языка» Владимира Ивановича Даля ценится во многом благодаря тому, что в нем собран громадный иллюстративный материал в виде пословиц и поговорок. Эти пословицы и поговорки, однако, имеют и самостоятельную ценность. Не в слове, а во фразе, содержащей

¹ Бунин И. Собр. соч.: В 9 т. Т. 6. М., 1966. С. 63-64.

слово, мы видим нечто ценное, содержащее отпечаток национального духовного начала. Отобранные и отточенные в своей афористичности и художественности бесчисленными поколениями, пословицы и поговорки поэтому и воспринимаются как одна из важнейших жизненных ценностей. Когда В. И. Даль пишет в «Напутном слове» к своему словарю о том, что «живой народный язык, сберегший в жизненной свежести дух, который придает языку стойкость, силу, ясность, целость и красоту, должен послужить источником и сокровищницей для развития образованной русской речи»,² то мы понимаем, что именно русскую речь В. И. Даль воспринимал как величайшую для него и для всей нации жизненно важную ценность.

В. И. Даль не был одинок в таком восприятии русской речи. Читая воспоминания о составителе великого словаря, мы видим, что многие современники разделяли его взгляды.³

Размышляя о русской речи как о жизненной ценности, мы до сих пор говорили о той речи, которая функционирует в официальном общении. А как обстоит дело в сфере повседневного, бытового, межличностного неофициального общения?

На вопрос, в каком речевом окружении он желал бы жить, без труда ответит любой человек, с легкостью перечислив, что для него неприемлемо. Никто не хочет жить в атмосфере агрессивной речи, которая угнетает нас морально и наносит нам духовный ущерб. Выраженная в слове неприязнь, недоброжелательность, не говоря уже о прямом словесном оскорблении, резко ухудшает условия нашего существования. Вряд ли кого-либо радует ситуация, при которой мат приобретает статус обычного разговорного экспрессивного слова.

Много проблем создает все большее количество словесного мусора, в котором вскоре может утонуть живущий в городских условиях человек. Рекламный текст насильно навязывается во время просмотра телефильма: мы *вынуждены* прослушать и просмотреть хотя бы часть рекламного ролика. Если мы слушаем музыку той или иной современной радиостанции, то песня, как правило, поступает к нам с рекламным довеском. Бесплатные рекламные издания разного типа

² Даль В. И. Напутное слово // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1981. С. XIV.

³ См., например: Мельников-Печерский П. И. Воспоминания о Владимире Ивановиче Дале // В. И. Даль и Общество любителей российской словесности. СПб., 2002. С. 5-66.

опускаются в наш почтовый ящик в огромном количестве. Их же назойливо предлагают нам у станций метро. Тротуары, улицы, стены домов заставлены, заклеены, увешаны постерами, растяжками, щитами. Всю эту речевую продукцию мы не просили нам предоставить. Она навязывается нам, засоряя наше ежедневное бытовое существование, лишая нас речевого уединения, этого творческого в своей сущности состояния.

Такое положение дел во многом стало возможным благодаря бесконтрольному развитию СМ И. Раньше, скажем в 60-х годах XIX века, речевая продукция поступала в дом только по желанию потребителя. Невозможно представить ситуацию, когда бы в доме неизвестно как и откуда появился бы роман Л. Толстого. А в наше время ситуация, когда дом замусорен рекламными и другими бесплатными печатными изданиями и звучащей чужой бесплатной речью, — это обычное положение вещей.

Неприемлемость этих и других речевых явлений, ухудшающих нашу жизнь, говорит о том, что мы пока еще понимаем цену речи уместной, именно к нам обращенной, не навязываемой нам, доброжелательной, соответствующей глубинным основам нормального человеческого существования.

Естественным образом встает вопрос: воспринимает ли наше общество русскую речь как жизненную ценность, о сохранении которой следует неустанно заботиться? На этот вопрос нельзя ответить ни «да», ни «нет». С одной стороны, все понимают, что родную речь надо беречь, что надо соблюдать культуру речи и граждански ответственно воспитывать ее в каждом человеке. С другой стороны, настоящего понимания сути проблемы и всей ее важности в нашем обществе нет. Мы можем утверждать это на основании целого ряда фактов.

Русскую речь как жизненную ценность сплошь и рядом приносят в жертву коммерции и политике. Можно назвать множество печатных изданий и телевизионных передач, в которых агрессивный тип речевого поведения является конституирующим, потому что это выгодно с политической или коммерческой точки зрения. Мат, непристойность стали рядовым явлением в массовой литературе, и прежде всего в детективах. Общество вяло осуждает или вообще не осуждает употребление матерного слова в бытовой речи. Мы равнодушны к окривляющему нас речевому хламу. К сожалению, многие нравственно готовы жить в этом речевом свинарнике.

Но это не самое страшное.

Хуже другое: утех, кто стоит у власти, нет политической воли, направленной на улучшение нашего речевого существования. А воли нет потому, что нет понимания важности проблемы, нет понимания того, что *речевая безнравственность ведет к безнравственности общественной, к потере национального самосознания, к изменению менталитета нации.*

Если запреты снимаются в одной сфере общественной жизни, в данном случае — в речевой, они неизбежно исчезнут вообще. Стоит ли удивляться росту экстремизма, если в течение многих лет именно этот тип политического поведения воспитывала у молодежи газета «Лимонка»? Стоит ли удивляться распространенности мата в быту, если он стал естественным явлением в речи, порождаемой СМ И? Позорным является тот факт, что мы вообще в печати дискутируем по поводу возможности употребления мата в публичном общении.

Проблем, связанных с речевым существованием общества, много, но среди них есть одна, которая сегодня является главной, узловой. Речь идет о том, в каком положении оказалась наша средняя школа. Как там обстоит дело с изучением русского языка, с овладением навыками русской речи?

Ситуация выглядит довольно безрадостной. Общие контуры ее можно обозначить примерно следующим образом. Системный кризис 90-х годов привел и к кризису образовательной системы. При этом в наибольшей степени пострадало базовое звено образовательной системы — средняя школа. Между тем именно в средней школе закладываются основы изучения родного языка, именно здесь вырабатываются основные навыки владения устной и письменной речью. К сожалению, государство, вместо того чтобы восстанавливать ранее неплохо работавшую систему, пошло по пути реформ, которые в целом, несомненно, привели к деградации в школьном изучении русского языка и в целом к деградации живой русской речи.

Основой реформы в преподавании русского языка является введение единого государственного экзамена по русскому языку (ЕГЭ). В идее единого экзамена, который совмещает в себе выпускной школьный экзамен и вступительный экзамен в вузы, ничего страшного нет. Есть спорные моменты, но они не катастрофичны. Уже введенный в школьную практику ЕГЭ по русскому языку стал катастрофой в силу той концепции, которая положена в его основу. Целый ряд особенностей этого экзамена является в принципе неприемлемым, если мы хотим сохранить высокий уровень своей национальной речевой культуры.

Абсолютно нелепым представляется отделение экзамена по русскому языку от экзамена по русской литературе. Для обычного человека, если он только не является филологом-лингвистом, русский язык в его непосредственном восприятии дан в виде русской речи, и прежде всего в виде речи высококачественных классических текстов. Школьник, в силу своего возраста, может не постичь всех содержательных и идеологических тонкостей романов Л. Н. Толстого, или, скажем, Ф. М. Достоевского, или поэзии Н. А. Некрасова. Но его слух, воспитанный на образцовой русской прозе и поэзии, будет оскорблен дешевой халтурой, если такая ему попадется. При изучении русского языка на основе литературных текстов неизбежно, в большей или меньшей степени, вырабатывается иммунитет против пошлой, бедной, безграмотной речевой продукции. Изоляция экзамена по русскому языку от экзамена по русской литературе ведет к тому, что будет изучаться *грамматика* русского языка, а *не русский язык в его лучших речевых образцах*.

Точно такой же нелепостью представляется исключение из экзамена устной составляющей. ЕГЭ по русскому языку — это письменный экзамен. Между тем школа должна научить юного гражданина читать, писать и *говорить*. Сейчас развитие устной речи никак не проверяется на экзамене. Естественно, что исчезает стимул заниматься на уроках развитием навыков устной речи. Большинство наших граждан будут говорить все хуже и хуже. Общество все больше будет смотреть и слушать и все меньше читать и говорить. Происходит *речевое одичание общества*.

Много бед влечет за собой то, что экзамен проводится преимущественно в виде теста. Тест позволяет выявить знание отдельных фактов, касающихся строения и функционирования системы языка, речевой системы. Но тест не выявляет ни наличия, ни степени развития навыков устной и письменной речи. Учителя при подготовке к экзамену готовят учащихся лишь к сдаче теста определенного типа, натаскивать на этот тип теста. При такой работе учащийся сталкивается с отдельными фактами, дающими информацию о структуре языка, но разнообразная русская речь не становится при этом предметом восприятия и анализа. Устный ответ и сочинение занимают в школьном обучении все меньше и меньше места. Купец Ростовцев из «Жизни Арсеньева» при нынешней системе обучения — это недостижимая светлая вершина.

Авторы современной концепции ЕГЭ полагают, что третья часть экзамена проверяет навыки письменной речи. Это иллюзия. На основе

предложенного текста небольшого объема учащемуся предлагается написать нечто похожее на изложение. Объем в 150 слов считается достаточным. При этом задается жесткая схема ответа учащегося. Надо быть человеком, начисто лишенным здравого смысла, чтобы полагать, будто экзамен подобного рода может выявлять степень развития навыков письменной речи. Все, кому довелось проверять такие работы, знают, что ответы удручающе однотипны и примитивны. Да и тексты для этого задания подобраны (иначе и невозможно) в очень узком функционально-стилистическом диапазоне.

Все сказанное о современном речевом состоянии нашего общества позволяет сделать вывод о том, что ощущение русской речи как жизненной ценности постепенно уходит из нашего общества. Речь начинает восприниматься как нечто сугубо утилитарное, предназначенное для удовлетворения элементарных потребностей. И если дело пойдет так и дальше, то действительно, как говорит один рекламный текст, «все будет Coca-Cola»!..